

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ ОБЩЕСТВА ДОЛГОЛЕТИЯ

© 2017 г. И. Цапенко

Старение населения угрожает глобальному Северу нехваткой рабочей силы и замедлением экономической динамики, усилением нагрузки на системы пенсионного и медицинского обеспечения, ростом масштабов бедности и социального неравенства и т.д. В то же время общества развитых регионов мира способны амортизировать эти риски. Более того, удлинение продолжительности здоровой жизни приносит (по крайней мере, потенциально) “дивиденд долголетия”, способствуя сохранению в составе рабочей силы ценных продуктивных кадров и создавая расширяющийся спрос на новые категории товаров и услуг.

Ключевые слова: старение населения, демографические вызовы, трудовые ресурсы, социальное обеспечение, здоровое и активное долголетие, “дивиденд долголетия”, “серебряная экономика”.

Статья поступила в редакцию 14.01.2017.

DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-5-34-44

Современный мир переживает радикальные демографические перемены. Распространяющееся по планете старение населения расценивается как “величайшая социальная, экономическая и политическая трансформация нашего времени” [1, р. 4]. Многие ученые и политики видят в этом процессе серьезную угрозу устойчивости общественного развития. Высказывается мнение, что “глобальная экономика приближается к состоянию демографического шока невиданного со времен Средневековья масштаба” и надвигается “эра крайней скудости рабочей силы” [2].

Однако все чаще стали появляться и оптимистичные прогнозы происходящих сдвигов, даваемые, в том числе, и ООН. “Удлиняющееся долголетие – это одно из величайших достижений человечества... Несомые им преимущества столь же многообразны, сколь многообразна польза, которую социально и экономически активное, здоровое и обеспеченное стареющее население может принести обществу” [3, р. 12].

Полярность подобных суждений порождает целый ряд вопросов. Насколько катастрофичны угрозы старения населения? Какие факторы могут способствовать ослаблению остроты порождаемых им проблем? Какой дивиденд сулит этот процесс и что нужно сделать, чтобы воспользоваться им? Эти вопросы в первую очередь относятся к развитым регионам мира, поскольку именно там отмеченные сдвиги особенно выражены.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ОБЩЕСТВАМ XXI ВЕКА

XXI в. принесет масштабные перемены в численности и возрастной структуре населения глобального Севера. По среднему варианту демографического прогноза ООН, в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии рост населения продолжится, но более медленными темпами. Однако в Японии сохранится тенденция к депопуляции, которая после 2020 г. перекинется и на Европу [4]. Повсеместно будет происходить старение населения. Главными слагаемыми этого процесса, развивающегося особенно интенсивно в европейских странах и Японии и отображаемого в превращении традиционной демографической пирамиды в демографическую колонну с сужающимся “детским” основанием, являются:

- увеличение среднего возраста населения;
- повышение доли пожилых лиц (старше 65 лет) одновременно со снижением доли детей и подростков (молочае 15 лет) среди населения;
- утяжеление демографической нагрузки пожилых лиц на 100 человек трудоспособного возраста (15–64 лет) (таблица).

Старение населения происходит, с одной стороны, “снизу” – в результате *сокращения рождаемости*. В развитых регионах фертильность (число рождений на одну женщину) устойчиво снижалась: с 2.82 в 1950–1955 гг. до 1.57 в 1995–2000 гг. И, судя по среднему варианту демографического прогноза ООН, в нынешнем столетии государствам Севера не суждено повысить этот показатель до уровня воспроизводства населения (2.1). С другой стороны, население стареет “сверху” – благодаря *росту продолжительности жизни*. В начале XX в. ожидаемая продолжительность жизни на развитых территориях колебалась между 45 и 50 годами, в 1950 г. она составляла около 65 лет, а сейчас

ЦАПЕНКО Ирина Павловна, доктор экономических наук, зав. сектором ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (tsapenko@imemo.ru).

Таблица. Старение населения в развитых регионах мира

	Регионы	1950	2000	2015	2050 ¹	2100 ¹
Средний возраст населения, число лет	Развитые регионы в целом	28.5	37.3	41.2	45.1	46.6
	Европа	28.9	37.7	41.7	46.2	47.2
	Япония	22.3	41.3	46.5	53.3	51.7
Доля лиц старше 65 лет среди населения, %	Развитые регионы в целом	7.7	14.3	17.6	26.5	29.0
	Европа	8.0	14.7	17.6	27.6	29.4
	Япония	4.9	17.2	26.3	36.3	35.4
Число лиц старше 65 лет на 100 человек в возрасте 15–64 лет	Развитые регионы в целом	11.6	21.2	26.7	45.8	52.2
	Европа	12.1	21.7	26.4	48.1	52.9
	Япония	8.3	25.2	43.3	70.9	69.2

¹ Средний вариант демографического прогноза ООН.
Составлено по: [4].

превысила 78. В середине нынешнего века этот показатель достигнет 83–84, а к концу столетия приблизится к 90 годам [4].

Учитывая, что «демографические изменения первичны по отношению ко многим экономическим и культурным переменам, а не вытекают из них» [5, с. 267], старение представляет серьезный вызов для экономики и социальной сферы глобального Севера, особенно в первой половине столетия, когда оно будет протекать наиболее интенсивно. В XXI в. в Европе, включая Россию, а также в Японии трудоспособное население будет убывать как в абсолютном, так и относительном измерении. Уменьшится и численность занятых, что усугубится переориентацией их растущей части из сферы производительного использования на уход за пожилыми. Ухудшится и возрастной состав рабочей силы, что также может неблагоприятно сказаться на производительности труда. Американский экономист Р. Гордон, переосмысливая концепцию «вековой стагнации», называет развивающиеся демографические процессы «встречным ветром» (*headwind*) экономическому росту в США. По прогнозам ученого, в ближайшие 25–40 лет за счет уменьшения отработанного времени историческая динамика душевого ВВП (2% в год) там замедлится на 0.3 п.п. [6]. По расчетам Института МакКинзи (*McKinsey Global Institute*), в 2014–2064 гг. вследствие сокращения занятости темпы прироста ВВП снизятся в России на 60%, в Германии и Канаде – на 50, Японии, Италии и Австралии – на 40%, в США – примерно на треть по сравнению с показателем предыдущих 50 лет [7, р. 6].

На фоне утяжеления бремени нетрудоспособных членов общества на трудоспособных радикально изменится в неблагоприятную сторону и пропорция между неработающими пенсионерами и содержащими их работниками. Если в 2010 г. в Европе на одного пенсионера приходилось четверо занятых, то в 2025 г. будет только трое, а в 2050 г. – всего лишь двое [8, р. 8]. В отсутствие реформ это соотношение может стать еще

хуже. Нетрудоспособная, пассивная старость, влекущая за собой «поседение бюджета» – непомерный рост расходов на пенсионное обеспечение, медицинское и социальное обслуживание лиц преклонного возраста, чревата обострением финансовых проблем, в том числе увеличением государственного долга.

Согласно оценкам, осуществленным в 2011 г. в рамках проекта ООН, за 2010–2060 гг. доля бюджетных расходов на выплаты пенсий в ВВП может возрасти в Греции более чем на 12 п.п., в Испании и Ирландии – примерно на 6 п.п. Также вероятно повышение удельных затрат на здравоохранение в Нидерландах на 5.5 п.п., в Греции, Ирландии, Германии – на 3 п.п. и более (рис. 1).

Учитывая, что с возрастом увеличивается число людей, страдающих от хронических заболеваний и нуждающихся в посторонней помощи, «нездоровый» характер старения влечет за собой снижение качества жизни таких лиц, а также ухаживающих за ними родственников. Поднимаются и такие сложные этические вопросы, как оправданность искусственного продления жизни тяжело- и неизлечимо больных пожилых людей, обоснованность высоких издержек по уходу за ними в самом конце их жизни, допустимость их эвтаназии и т.п.

Кроме того, с ухудшением состояния здоровья и уходом на пенсию обычно связано и снижение доходов. По данным ОЭСР, в 2012 г. доходы лиц старше 75 лет составляли 79.5% от среднего уровня по странам этой организации (62% в Австралии, 64% в Эстонии). Доля бедных в указанной возрастной когорте достигала 14.7% (38% в Австралии, 31% в Швейцарии) при 11.4% в среднем по всему населению в этой группе государств [10, pp. 169, 171]. Проецируя на будущее современную социальную ситуацию с группами старше 75 лет, можно ожидать роста масштабов бедности. С этим связываются прогнозы, с одной стороны, ухудшения положения на рынках ценных бумаг, поскольку после выхода на пенсию пожилые люди будут массово

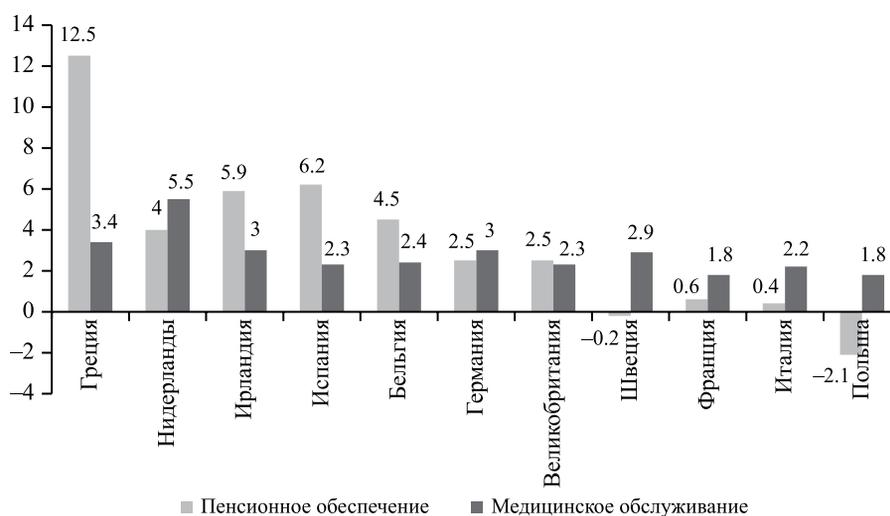

Рис. 1. Прогноз изменения доли бюджетных расходов в ВВП вследствие старения населения по 11 европейским странам в 2010–2060 гг., процентные пункты

Источник: [9, p. 11].

продавать ценные бумаги, чтобы поправить свое материальное положение. А с другой — усиления социальной изоляции и дискриминации по возрасту увеличивающейся бедной части стареющих социумов.

В то же время повышению доли лиц преклонного возраста в населении, вероятно, будет сопутствовать расширение их представительства в органах власти при ослаблении роли молодежи. Усиление геронтократических тенденций чревато усилением политической поддержки ограничения расходов на образование и защиту окружающей среды и, напротив, увеличения затрат на пенсии [11]. Оно способно привести к утверждению более «консервативного» подхода к управлению, сдерживающего осуществление необходимых реформ, внедрение социальных и технологических инноваций, что также может неблагоприятно сказаться на будущем развитии таких обществ. А это в свою очередь актуализирует вопрос введения возрастных квот и цензов в политических институтах.

В результате, при экстраполяции современных условий развивающихся демографических процессов последние угрожают существенным замедлением экономического роста, резким обострением бюджетных диспропорций и ухудшением положения значительных групп населения. Это может негативно сказаться на конкурентоспособности экономики и качестве жизни населения. Особенно в 20–30-е годы, когда в пожилой возраст будут вступать многочисленные поколения послевоенного бума рождаемости. Однако даже при таком неблагоприятном прогнозе старение населения, особенно увеличение когорт старше 80 лет, в сочетании с депопуляцией может способствовать снижению антропогенной нагрузки на природу и «позеленению» экономики. Подсчитано, что

величина выбросов углекислого газа на душу населения на протяжении жизненного цикла человека имеет вид перевернутой буквы *U*, отражающей изменения в его потреблении и передвижениях [12, p. 5]. Вместе с тем этой тенденции могут противодействовать проживание людей в малых домохозяйствах или из одного человека, неэффективных с точки зрения экономии энергии, и интенсификация территориальной мобильности населения, обычно сопутствующая повышению уровня его образования.

Современные алармистские сценарии, основывающиеся на неизменности социальных институтов, экономического поведения и политики, сильно напоминают прогнозы П. Эрлиха и членов Римского клуба в середине прошлого века: в тогдашнем взрывном росте населения виделась демографическая бомба, несущая массовый голод и нищету. Однако, хотя с 1960 по 2000 гг. население планеты удвоилось, за тот же период производство продуктов питания выросло вчетверо, душевые доходы увеличились на 115%, продолжительность жизни повысилась более чем на 15 лет, а неграмотность резко снизилась благодаря распространению начального образования [13, p. 4]. Более того, страны Юго-Восточной Азии смогли успешно воспользоваться дивидендом бума рождаемости, отозвавшегося через полтора-два десятилетия вступлением в трудоспособный возраст крупных контингентов молодежи. Во многом благодаря наличию молодой и при этом образованной и профессионально подготовленной рабочей силы этим странам удалось совершить «экономическое чудо». Из этого опыта можно извлечь вывод о возможностях не только адаптации экономики к демографическим изменениям, но и использования последних во благо развития общества.

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: АМОРТИЗАЦИЯ РИСКОВ

В демографической науке масштабные долгосрочные изменения в состоянии народонаселения зачастую интерпретируются в рамках концепции (концепций) демографического перехода – перехода от равновесия высокой рождаемости и смертности к новому равновесию низкой рождаемости и смертности, которому неизбежно соответствует формирование новой возрастной структуры населения. Как подчеркивает известный российский демограф А. Г. Вишневский, такие изменения объясняются системной трансформацией общества и представляют собой демографический срез его общей модернизации, охватывающей все его сферы, включая самого человека [5, сс. 301, 115]. Более того. “Главные события модернизации совершаются не на заводах и фабриках, не на биржах и в банках, не в медицине или в атомной физике, не в парламентах и политических партиях, хотя и там происходит очень многое. Главное, что модернизируется, – это сам человек, человеческая личность” [5, с. 139]. Среди ярких проявлений этого процесса – *трансформация понятия пожилых и их роли в социумах XXI в.*

Происходящие в разных областях современных обществ перемены указывают на вероятность более оптимистичных сценариев. Среди таких процессов – бурное развитие геронтологии, в котором, в частности, был осуществлен научный прорыв в исследовании механизмов аутофагии, открывающий новые возможности в противодействии старению организма и возрастным заболеваниям. За это открытие японский биолог Ёсинори Осуми (*Yoshinori Ohsumi*) был удостоен в 2016 г. Нобелевской премии.

Благодаря достижениям в развитии медицины и здравоохранения параллельно с ростом ожидаемой продолжительности жизни увеличивается и длительность здоровой жизни. По оценкам, в 1984 г. в Германии средний мужчина находился в добром здравии 55% своей жизни, в 2011 г. – 63, а в 2050 г. этот период составит 80%. Средняя женщина – 50, 60 и 70% соответственно [12, р. 7].

Увеличение периода работоспособности в жизненном цикле человека благоприятствует вовлечению в производство все более многочисленных когорт пожилых людей, особенно в сферы, не требующие вложений тяжелого физического труда. Недавнее (2013 г.) обследование в США показало, что 71% респондентов предпенсионного возраста изъявили желание продолжать работать и после достижения пенсионного возраста [1, р. 41]. Однако они хотели работать не так, как прежде: трудиться с меньшей нагрузкой, неполный рабочий день, на дому, по гибкому графику, попробовать себя на ином профессиональном поприще или создать небольшое предприятие.

После достижения пенсионного возраста, составляющего во многих развитых странах 65 лет, значительная часть населения продолжает работать. И возраст фактического ухода с работы, как правило, выше официального пенсионного возраста, за исключением стран Северной Европы, Германии, Канады и некоторых других государств. При этом возраст фактического перехода на пенсию, понижавшийся вплоть до начала 2000-х годов, сейчас с повышением официального пенсионного возраста вновь увеличивается и одновременно растет доля работающих пенсионеров. За 2004–2014 гг. в Исландии доля занятых в возрастной группе 65–69 лет возросла с 49 до 53%, в Японии – с 33 до 40, Новой Зеландии – с 26 до 40, США – с 27 до 30% (рис. 2).

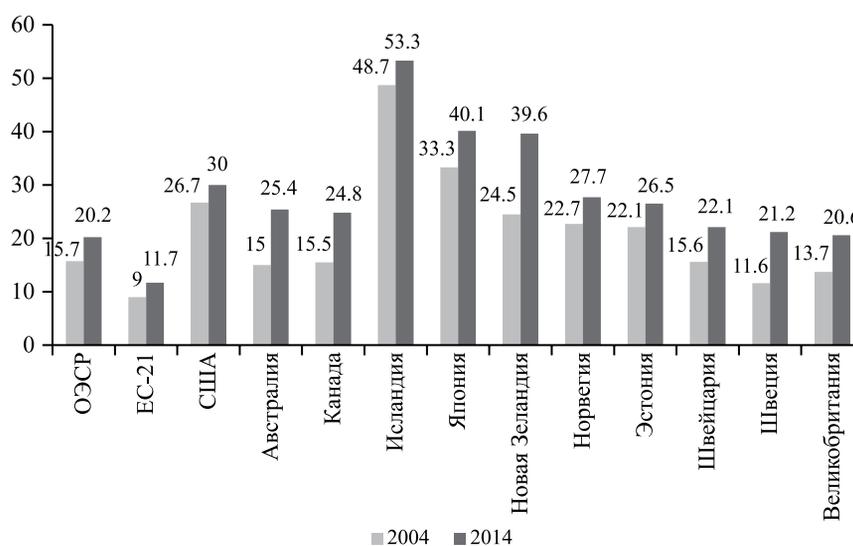

Рис. 2. Доля занятых в общей массе населения 65–69 лет, %
Составлено по: [14].

Поскольку среди наших современников молодежь имеет гораздо более высокий уровень образования, чем лица старшего возраста, очевидно, что, когда спустя 40–50 лет эти молодые люди вступят в пожилой возраст, они будут более образованными, чем нынешнее поколение пожилых. Учитывая связь уровня образования и экономической активности, а также продуктивности, резонно допустить, что новые когорты более здоровых и образованных пожилых должны быть не только более экономически активными, но и более продуктивными и, соответственно, более высокооплачиваемыми, чем прежние.

Это позволяет рассчитывать на то, что увеличение доли пожилых лиц в обществе не повлечет за собой роста масштабов бедности. Показательно, что еще в 2012 г. в большинстве западноевропейских стран и США доходы лиц в возрасте 66–75 лет были выше средних по этим странам или вплотную приближались к этой отметке. А уровень бедности в этой возрастной группе в Канаде, Дании, Чехии, Финляндии, Исландии, Португалии, Словакии и Испании был примерно в два раза ниже средних национальных значений, во Франции и Греции – в три или почти в три раза, в Нидерландах и Норвегии – в четыре раза [10, pp. 169, 171].

В результате указанных процессов формируется образ “нового пожилого” (*new old*) – более здорового, образованного, экономически и социально активного, производительного и обеспеченного. Вероятен сдвиг границы, разделяющей население на трудоспособных и нетрудоспособных, к более старшим возрастам – к 70–75 годам. Параллельно с этим произойдет и гораздо более значимое изменение пропорций между работающими и неработающими в пользу некоторого увеличения первой категории, что ослабит экономическое бремя иждивенцев на работников при повышении продуктивности последних.

Прогнозы роста экономической активности пожилых даже породили опасения ухудшения возможностей трудоустройства и профессионального роста для молодых. Однако данные ОЭСР указывают на позитивную корреляцию между повышенным уровнем занятости пожилых и молодых, равно как и между более ранним средним возрастом выхода на пенсию и более высокой молодежной безработицей [15, p. 7].

Оставаясь в составе рабочей силы, пожилые люди продолжают вносить вклад в социально-экономическое развитие обществ, причем в течение беспрецедентно длительных периодов. В долгосрочном плане это может частично компенсировать замедление экономического роста, обусловленное абсолютным и/или относительным сокращением рабочей силы в возрасте 15–64 лет.

Кроме того, когда люди надеются прожить долгую жизнь, у них появляется дополнительный стимул больше сберегать, пока они работают, чтобы накопить, финансируя свое потребление в будущем, на те годы, когда они не смогут трудиться. С позиции макроэкономической теории предложения, эти сбережения транслируются в инвестиции, которые питают накопление капитала и технологический прогресс, движущие экономический рост.

Включенность в трудовую жизнь представителей старших поколений позволит обеспечить их финансовую независимость и ограничить их нуждаемость в государственных пособиях, способствуя при этом пополнению казны. Такое достойное старение ставит под вопрос тезис о том, что увеличение пожилого населения вызывает взлет социальных расходов. Тем более что затраты на здоровье и заботу о пожилых обычно концентрируются в конце жизни человека, как правило – в течение двух последних лет перед кончиной [12, p. 1].

По оценкам Еврокомиссии (ЕК), в 2010–2060 гг. в ЕС-27 государственные расходы на нужды здравоохранения, связанные со старением населения, увеличатся с 7.1 до 8.3% ВВП, на выплату пенсий – с 11.3 до 12.9, на длительный уход за пожилыми – с 1.8 до 3.4%. Совокупный прирост ассигнований по этим статьям составит 4.1 п.п. [16, pp. 465–467]. Это – внушительные, но все же не катастрофические размеры. При этом ожидается сокращение расходов на образование на 0.1 п.п. ВВП и на выплату пособий по безработице на 0.3 п.п. ВВП [16, pp. 465–467] (обусловленное прогнозируемым уменьшением численности молодежи и безработных), что отчасти нейтрализует рост затрат по другим социальным статьям.

Вопреки распространенному мнению, что пожилые перетягивают на себя ресурсы общества и являются бременем для более молодых, в рамках семьи в течение жизненного цикла человека большинство финансовых потоков направляется вниз по дереву поколений, а не вверх, то есть от старших к младшим членам, а не наоборот. Это в какой-то мере позволяет компенсировать растущие государственные трансферты распределительной пенсионной системы, идущие от более молодых работающих членов социумов к пожилым [12].

То же относится и к росту политического представительства пожилых. Трудно представить, что пожилые политические деятели, имеющие детей и внуков, не будут заботиться о благополучии более молодых поколений. Кроме того, наличие страновой корреляции между уровнем инфляции и средним возрастом населения может говорить о том, что политические партии с повышенной долей пожилого электората, более чувствительного к взлетам цен,

находясь у власти, проводят более ортодоксальную экономическую политику, нацеленную на сдерживание инфляции в интересах всего общества [17].

При этом от увеличения доли пожилых в составе рабочей силы качество используемого человеческого капитала и производительность предприятий могут не только проигрывать, но и выигрывать. В экономике знаний возрастает значение личностного знания и опыта, которые накапливают за время трудовой деятельности работники старшего возраста. Делясь этими знаниями и опытом, они могут повышать продуктивность командной работы. Выявлено, что возрастное разнообразие участников трудовых коллективов делает такие коллективы более эффективными по сравнению с чисто молодежными [18].

Кроме того, у пожилых людей более развиты социальные слагаемые квалификации, гораздо существеннее социальный капитал. Они лучше владеют навыками межличностного общения, что особенно ценно в условиях сервисизации экономики. Благодаря наличию таких “мягких” навыков пожилые работники нередко оказываются в среднем такими же производительными, как и молодые.

Позитивно для общества и участие лиц старшего возраста в волонтерской деятельности и разного рода гражданских инициативах в сферах образования, здравоохранения, охраны окружающей среды и др. Необходимо учитывать и неоплачиваемую работу по дому пожилых, особенно женщин, которая не только позволяет другим членам их семей быть экономически активными, но и может ослаблять нехватку социальных работников по уходу за детьми и престарелыми. Кроме того, включенность в общественно востребованную деятельность поможет лицам “третьего возраста” избежать социальной изоляции.

Однако при этом как же *влияет старение населения на состояние трудовых ресурсов и занятости населения в трудоспособном возрасте (15–64 лет)*? Согласно прогнозам Института МакКинзи, в ближайшие полвека в Австралии, Канаде и США продолжится укрупнение данной группы, однако этот процесс будет идти гораздо более медленно, чем в предыдущие 50 лет. К 2064 г. с учетом иммиграции рабочая сила увеличится в США на 23%, в Австралии – на 43% [7, р. 110]. При расширении спроса на труд это в свою очередь будет благоприятствовать росту занятого населения.

А прогнозируемое в нынешнем столетии в большинстве европейских стран и Японии сокращение трудоспособного населения, вероятно, не повлечет за собой автоматического пропорционального уменьшения рабочей силы. По оценкам ЕК, в 2010–2060 гг. совокупное население в возрасте 15–64 лет в ЕС-27 сократится на 46 млн

человек, экономически активное население этого же возраста – на 24 млн, а занятое – всего на 15 млн [16, р. 465]. Такое расхождение объясняется мобилизацией незадействованных трудовых ресурсов, в частности среди женщин, пожилых и молодежи, в сочетании с усилением гибкости рынка труда и мобильности рабочей силы.

Важную роль сыграет и пополнение экономически активного населения из-за рубежа. В 20-е и 30-е годы позитивная демографическая динамика в развитых регионах в целом будет поддерживаться исключительно за счет иммиграции. Но чрезмерное наращивание этого потока ограничивается не только вызываемыми им негативными социокультурными и этнополитическими последствиями. Воплощение идеи свободной миграции, или “миграции без границ”, экономически проигрышно для развитых регионов¹.

По разным оценкам, в Европе в 20-е годы будут исчерпаны резервы экономической активизации населения и начнется снижение занятости. Вместе с тем, как подчеркивает известный специалист в области старения населения М. Херрманн, сокращение занятости не является однозначным индикатором нехватки рабочей силы. Об общем дефиците рабочей силы в большей мере может свидетельствовать низкий и продолжающийся снижаться уровень безработицы [20, р. 168]. Однако этот показатель остается достаточно высоким в целом ряде европейских стран, и его уменьшение может рассматриваться как дополнительная возможность стабилизации занятости.

Более того, в ближайшие десятилетия развитым регионам угрожает не столько дефицит рабочей силы, сколько структурные несоответствия между предложением и спросом на ее рынке. В первую очередь – нехватка определенных профессий, когда спрос на те или иные категории работников выше их предложения при существующих условиях труда и его оплаты в конкретном месте и в конкретный период времени. Спектр будущих потребностей в рабочей силе будет смещен в сторону медицинских профессий. Ожидается особенно интенсивный рост спроса на персонал по уходу за больными и престарелыми, а также на дипломированных медсестер [21, р. 7].

¹ Согласно недавним оценкам, открытие границ для перемещения рабочей силы могло бы привлечь в регионы и страны, испытывающие ее недостаток, около 400 млн человек, и среднемировой душевой ВВП повысился бы примерно на 12%: от 7 до 18% в зависимости от допущений. Однако приток рабочей силы с менее производительных макротерриторий на более производительные привел бы к сокращению душевого ВВП США на 6–7%, ЕС-15 – на 0.5–1.5, Канады и Австралии – на 3–4%. См. [19].

К 2020 г. ЕС может столкнуться с нехваткой 2 млн работников здравоохранения [22, р. 5].

Наконец, при сокращении занятости не обязательно происходят соответствующие изменения в народнохозяйственной динамике. Экономический рост питается из разных источников, при этом он гораздо чувствительнее реагирует на изменения в производительности труда (ПТ), чем в числе работников. Весьма примечателен опыт продолжения роста экономики при сокращении рабочей силы, демонстрируемый в последние десятилетия Японией. Более того, вопреки прогрессирующему сжатию трудовых ресурсов в ближайшие десятилетия там прогнозируется ускорение народнохозяйственной динамики [23].

По расчетам Института МакКинзи, в результате изменений в состоянии народонаселения развитые регионы ожидает не экономический коллапс, а изменение соотношения драйверов экономического роста. Прежде в Европе роль прироста рабочей силы и ПТ в экономической динамике была паритетной. В ближайшие же 50 лет вклад увеличения ПТ, темпы которого, по оценкам этого института, останутся прежними, составит 75%, а на долю прироста рабочей силы, который существенно замедлится, придется лишь примерно 25% [24, р. 12]. Из этого следует очевидный вывод, что в ближайшие десятилетия основным фактором роста экономики будет повышение ПТ и в целом эффективности народнохозяйственной деятельности, позволяющее в той или иной мере компенсировать сокращение занятости или замедление ее расширения.

Соответственно в долгосрочном плане, особенно по мере предполагаемого замедления неблагоприятных демографических процессов и относительной стабилизации или даже потенциального сглаживания демографических и связанных с ними социальных диспропорций, вероятны некоторое ослабление остроты негативных социально-экономических последствий старения и даже возникновение позитивных или, по крайней мере, частично позитивных эффектов.

ПОТЕНЦИАЛ “СЕРЕБРЯНОЙ ЭКОНОМИКИ”

С макроэкономической точки зрения, повышение численности нетрудоспособных членов общества должно повлечь расширение потребления относительно сбережений. Как известно, с позиции теории спроса, увеличение потребительских расходов способствует экономическому росту, занятости и трудовых доходов.

Исходя из этого “старение населения следует рассматривать не как вызов экономическому

процветанию, а как процесс структурных изменений” [20, р. 171]. Причем эти изменения будут обусловлены не только растущей ролью пожилых на рынке труда и в производстве товаров и услуг. Произойдут сдвиги в приоритетах и паттернах потребительского поведения населения, стимулируя возникновение особых рыночных ниш и расширение производства товаров и услуг для людей старшего возраста. Подобная адаптация народного хозяйства к изменениям в возрастных и социально-экономических характеристиках населения получила название “серебряной экономики” (*Silver Economy*), или “экономики долголетия” (*Longevity Economy*). Хотя пока не существует четкого единого определения такой экономики, в узком плане под ней обычно понимается народнохозяйственный сектор, ориентированный на производство товаров и услуг для населения старших возрастов (включая и пятидесятилетних). В широком смысле она охватывает не только этот сектор, но и другие виды экономической деятельности, генерируемой его функционированием [1, р. 39; 22, р. 7].

Такая экономика олицетворяет как уже существующие, так и нарождающиеся экономические возможности, связанные с растущими государственными затратами и потребительскими расходами населения, которые обусловлены старением последнего и особыми потребностями лиц старше 50 лет. Она представляется как будущий локомотив народнохозяйственного развития, как драйвер инноваций и экономического роста, а пожилые люди — как его новый ресурс [1, р. 4; 15, р. 2]. По некоторым оценкам, в 30-е годы на долю “экономики долголетия” будет приходиться более 50% ВВП США и Японии [15, р. 39].

Рассматриваемые в подобном ключе государственные расходы на сферу социальной инфраструктуры, особенно на здравоохранение, связанные со старением общества, ассоциируются не с экономическими издержками (или не только с издержками). В них видятся так называемые социальные инвестиции, направляемые на формирование новой структуры экономики с большим сектором здравоохранения (включая его коммерческий сегмент) и других “серебряных” отраслей. Такие инвестиции будут вносить растущий вклад в народнохозяйственное развитие, способствовать генерированию рабочих мест и доходов и могут даже вернуться в бюджет социальными взносами и налогами.

По оценкам ЕК, в 2010 г. в ЕС-27 масштабы государственного потребления, связанного со старением населения, составляли 20% ВВП, а к 2060 г. достигнут порядка 25%, формируя крупный потенциальный рынок инновационных товаров и услуг [рассчитано по: 16, pp. 465-467]. Так, если бы в Европе

услугами телемедицины и удаленного ухода за больными и престарелыми было охвачено 10–20% лиц с хроническими заболеваниями или пожилых, это создало бы потенциальные рынки для новых продуктов и услуг на 10–20 млрд евро в год [22, р. 8]. В США и Великобритании на долю лиц старше 50 приходится около половины потребительских расходов домохозяйств, при этом в затратах на здоровье, культуру, досуг и гостиницы эта доля еще выше [1, pp. 48, 50].

От увеличения численности населения “третьего возраста” может выиграть немало секторов. В их числе:

- здравоохранение, включая медицинское обслуживание, фармацевтику и электронное здравоохранение;
- оздоровительная индустрия;
- производство “умных домов”, обеспечивающих возможность независимого существования лиц с ограниченными возможностями;
- сервисная робототехника;
- индустрия косметики и моды;
- туризм, безопасность, культура, образование и профподготовка, развлечения, личный и автономный (без водителя) транспорт, банковские и финансовые продукты.

В развитых регионах мира демографические сдвиги создают дополнительные стимулы к активизации инновационного процесса, разворачиванию четвертой промышленной революции (*Industry 4.0*), предполагающей распространение подключенных к интернету человеко-машинных систем и трудосберегающих технологий. Уже в ближайшее десятилетие прогнозируется массовое внедрение сервисной робототехники, особенно для ухода за пожилыми и больными людьми, а также новых технологий в сфере здравоохранения и повседневной жизни населения.

Маркетинговые и продуктовые стратегии растущего числа компаний уже строятся с учетом новых демографических условий. Так, фармацевтическая компания *Pfizer* занялась производством препаратов из стволовых клеток, нацеленных на противодействие наиболее серьезным возрастным болезням. Рынок телемедицины и удаленного контроля за состоянием здоровья активно осваивают ведущие компании в сфере ИКТ, такие как *Cisco*, *Intel*, *Microsoft*, *Google*, *IBM*, *Apple* и др. Российский “Мегафон” специально для пожилых выпустил мобильный телефон с большими кнопками и громким звонком [25].

Внедрение новых технологических и технических решений будет способствовать росту ПТ, снижению трудоемкости автоматизируемых и роботизируемых операций и возможному сокращению предложения

низко- и среднеквалифицированных промышленных рабочих мест. Однако, как отмечалось, “серебряная экономика” – это одновременно и потенциальный источник новых рабочих мест в средне- и долгосрочном плане (прежде всего в сфере услуг, особенно в здравоохранении и социальном обслуживании), восполняющий в той или иной мере технологическое сжатие занятости в других секторах. Показательно, что, по оценкам К. Фрея и М. Осборна, проанализировавших в 2010 г. на американском материале 720 видов занятий, ни одна из медицинских профессий не попадает в список 20 видов занятий с наибольшим риском замещения автоматами. Симптоматично опять же, что именно к здравоохранению относится основной массив 20 профессий, которые в наименьшей мере могут быть замещены машинами. Останутся остро востребованными специалисты в области рекреационной терапии, физиотерапии, питания, психических заболеваний, а также стоматологи, диетологи, челюстно-лицевые хирурги, протезисты и ортопеды, терапевты и хирурги общей практики, социальные работники по медицинскому уходу и надзору за лицами, злоупотребляющими психоактивными веществами [26, р. 11].

В ЕС-28 в индустрии здоровья трудятся более 17 млн работников, или 10% всех занятых. Ожидается, что в 2013–2025 гг. численность работников в ней будет увеличиваться на 8.1% в год, что гораздо выше, чем рост занятости в среднем по Союзу (3%) [22, р. 8]. Сохранится также повышенный спрос на специалистов в области ИКТ. Усилятся потребности в работниках и в других отраслях “экономики долголетия”. Например, создание и переоборудование жилищ для лиц “третьего возраста” откроет новые рабочие места в строительстве, на транспорте и в смежных отраслях.

Тем не менее все же трудно разделить оптимизм сторонников “серебряной экономики”, видящих в пожилых лишь или преимущественно новый акселератор народнохозяйственного развития. В особенности это относится к России, где из-за более низкого, чем в западных странах, уровня жизни потенциал “экономики долголетия” весьма невелик и почти не используется. Худшее состояние здоровья, повышенная смертность и низкая относительно развитых стран продолжительность жизни населения сдерживают рост пожилых когорт. Ограниченные государственные расходы, связанные со старением, равно как и скудность доходов самих лиц “третьего возраста”, препятствуют расширению спроса на товары и услуги для пожилых и не стимулируют развитие соответствующих секторов. В российском контексте старение населения несет лишь вызовы и риски и не высвечивает обнадеживающих перспектив развития общества с точки зрения его демографических факторов.

УСЛОВИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ К ОБЩЕСТВУ ЗДОРОВОГО И АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

В отличие от неминувости негативных эффектов старения населения, его потенциальные плюсы реализуемы лишь при определенных общественных условиях. Чтобы сгладить остроту пагубных последствий, вызываемых старением населения, и воспользоваться экономическими и социальными преимуществами, даваемыми удлинением продолжительности здоровой жизни, то есть задействовать так называемый дивиденд долголетия, необходимы преобразования практически во всех общественных системах. «Формирование “серебряной экономики” как пути к экономическому росту возможно, но не неизбежно. Для этого требуются критические изменения в государственной политике наряду с глубокими культурными сдвигами» [15, р. 4]. Иными словами, при разработке стратегии будущего развития общества необходимо не просто перенастроить все структуры общества на новые демографические условия, но и осознать радикальное изменение роли пожилых, увидеть в нем не только риски и вызовы, но и потенциальные возможности для социума.

Реализация такой стратегии, построенной с учетом национальной специфики, предполагает комплексный характер применяемых средств. Для нейтрализации и ослабления неблагоприятных социально-экономических тенденций, порождаемых демографическими сдвигами, не обойтись лишь известными мерами повышения экономической активности и занятости лиц пенсионного возраста, женщин и молодежи. Такие меры, подкрепляемые стимулированием безработных к трудовой деятельности² и оперативным наймом конкретных категорий иностранных работников по каналам иммиграции или же аутсорсинга, содействуют смягчению текущих дисбалансов на рынке труда. Однако ресурс этих средств ограничен, и их применение может дать лишь краткосрочный эффект.

С учетом старения рабочей силы необходимы инициативы структурного характера, призванные, с одной стороны, стимулировать пожилых к продолжению трудовой деятельности, а с другой — обеспечивать для нее условия. В их числе:

— постепенное повышение законодательно установленного пенсионного возраста или же отмена его фиксированной границы в сочетании с мерами, предотвращающими, смягчающими или компенсирующими

² Например, усиление увязки выплаты пособий по безработице с активными поисками безработными работы, с участием последних в программах переобучения и общественных работ. Такой подход получил название *Workfare state* (благополучие для работающих) в отличие от *Welfare state* (благополучие для всех).

возможные болезненные последствия этого шага в других областях;

— предоставление налоговых и прочих льгот пожилым лицам, продолжающим работать после достижения пенсионного возраста, а также их работодателям;

— изменения в механизмах оплаты труда работающих пенсионеров, в частности ограничение роли надбавок за выслугу лет и повышение значимости оплаты реальной работы, создающие более благоприятную корпоративную среду для продолжения работы пожилыми;

— содействие предпринимательской деятельности пожилых, в том числе в осуществлении проектов, главной целью которых является принесение пользы обществу (так называемое социальное предпринимательство).

Требуется адаптация системы подготовки кадров к прогнозируемым изменениям в потребностях экономики в рабочей силе. В первую очередь для таких быстрорастущих “секторов долголетия”, как здравоохранение и уход за больными, а также для туризма, сферы досуга и целого ряда обрабатывающих производств. Необходим заблаговременный запуск программ привлечения востребованных зарубежных работников, равно как и инициатив, способствующих более эффективному использованию экономического потенциала мигрантов.

В еще большей мере, чем прежде, нужны социальные инвестиции, в первую очередь в здоровье и образование населения, на всех стадиях жизненного цикла, во всех возрастных группах. Реализация программ образования в течение жизни (*lifelong learning*), охраны здоровья и хорошего самочувствия (*wellness*) позволит людям дольше оставаться в хорошей физической форме и здоровом уме, вести активный образ жизни. Такие меры обеспечат предприятиям и обществу в целом больший выигрыш от инвестиций в профессиональную подготовку кадров, помогут избежать неоправданных расходов по мере старения рабочей силы. Всемирная организация здравоохранения еще в 2002 г. запустила инициативу “Активность и здоровье в старости” (*Active and Healthy Ageing*), которая была поддержана созданием соответствующего Европейского инновационного партнерства. Подобная целевая установка включена в число приоритетов “разумной специализации”³ (*smart specialisation priority*) 110 регионов Евросоюза.

В ЕС уже осуществляются меры, ориентированные на подъем “секторов долголетия”, например обновление жилого фонда (включая роботизированное обеспечение независимого проживания лиц

³ Избирательная специализация региона в области инновационной деятельности с учетом его особенностей и потенциала.

с хроническими заболеваниями и ограниченными возможностями), развитие туризма пожилых в периоды спада спроса на него. В эту стратегию вписываются расширение государственного сектора “серебряной экономики”, развитие широкого спектра НИОКР и инноваций в области долголетия, способных радикально изменить жизнь людей старшего возраста и общества в целом, разработка новых стандартов товаров и услуг для пожилого населения, поощрение мелких и средних предприятий, занимающихся их производством и др.

Очевидно, что демографические сдвиги потребуют изменений в финансировании программ и мероприятий, адресуемых пожилым, особенно там, где подобные социальные инициативы носят масштабный характер. Вероятно, развитым регионам мира не удастся избежать реформ пенсионных и медицинских систем, а именно усиления роли страховых принципов в функционировании социальной сферы и повышения значения накопительных моделей. Уже наметился сдвиг от социального государства к так называемому обществу активного участия (*participation society*), основная идея которого заключается в сокращении социальных расходов государства, перекладывании их растущей части на население и повышении ответственности людей за собственное благосостояние, включая образование, медицинское и пенсионное обеспечение.

Однако если такие шаги будут резкими и несбалансированными, они грозят обернуться ухудшением состояния человеческого капитала, нарастанием социального неравенства и ослаблением социальной

солидарности. Вероятны возникновение межпоколенческих конфликтов и усиление политической нестабильности. Остается надеяться, что не только увеличение доли пожилых в электорате и повышение их политической активности, но и подключение к решению этого вопроса всего гражданского общества воспрепятствуют принятию неоправданных с социальной и политической точки зрения решений.

* * *

Старение населения ставит перед обществами серьезные экономические и социальные вызовы. В то же время удлинение продолжительности здоровой жизни приносит (по крайней мере, потенциально) и определенные активы — так называемый дивиденд долголетия, с одной стороны, способствуя сохранению в составе рабочей силы ценных продуктивных кадров, а с другой — создавая солидный и быстро расширяющийся спрос на новые категории товаров и услуг. Такие изменения в предложении трудовых ресурсов и потребительских моделях открывают новый этап в развитии стран Севера, связанный с формированием ростков общества долголетия и продвижением “серебряной экономики”. Адекватный и эффективный политический ответ на происходящие изменения должен включать как краткосрочные превентивные и нейтрализующие меры, так и долгосрочную стратегию пакетных креативных и ответственных действий, рассчитанных на перспективу и заблаговременно подготавливающих общество к будущим масштабным переменам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Bank of America Merrill Lynch Report 2014: The Silver Dollar — Longevity Revolution*. Available at: http://www.longfinance.net/images/reports/pdf/baml_silverdollar_2014.pdf (accessed 15.10.2016).
2. *Global Agenda Council on Migration. 2016*. Available at: <https://www.weforum.org/communities/global-agenda-council-on-migration> (accessed 17.11.2016).
3. *Ageing in the Twenty-First Century: A Celebration and a Challenge*. New York, UNFPA, 2012. 190 p.
4. *World Population Prospects: the 2015. Revision*. Available at: <http://www.esa.un.org/unpd/wpp> (accessed 15.11.2016).
5. Вишнеvский А. *Время демографических перемен*. Москва, Издательский дом ВШЭ, 2015. 517 с. [Vishnevskii A. *Vremya demograficheskikh peremen* [Time for Demographic Changes]. Moscow, Publishing House of the HSE, 2015. 517 p.]
6. Gordon R. *The Demise of U. S. Economic Growth: Restatement, Rebuttal, and Reflections*. NBER WP, 2014, no. 19895. 41 p.
7. *Global Growth: Can Productivity Save the Day in an Aging World?* McKinsey Global Institute, 2015. 136 p. Available at: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/can-long-term-global-growth-be-saved> (accessed 20.12.2016).
8. Leis M., Gijsbers G. *Active and Healthy Ageing — A Long-term View up to 2050*. Brussels, European Foresight Platform, 2011. 70 p.
9. The Economic Consequences of Population Aging. Report on a Technical Policy Seminar. *National Transfer Accounts Bulletin*, 2011, no. 3, pp. 1-16.
10. *Pensions at a Glance 2015: OECD and G20 indicators*. Paris, OECD, 2015. 375 p.
11. Bogetic Z. et al. Fiscal Policy Issues in the Aging Societies. *MFM Discussion Paper*, 2015, no. 1. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/21782/952660NWP0MFM000Box385292B00PUBLIC0.pdf;sequence=1> (accessed 12.11.2016).
12. Kluge F., Zagheni E., Loichinger E., Vogt T. The Advantages of Demographic Change after the Wave: Fewer and Older, but Healthier, Greener, and More Productive? *PLoS ONE*, 2014, no. 9(9): e108501 (DOI:10.1371/journal.pone.0108501).

13. *Global Population Ageing: Peril or Promise?* Geneva, World Economic Forum, 2011. 144 p.
14. *Older Workers Scoreboard, 2004, 2007 and 2014*. Available at: <http://www.oecd.org/employment/emp/ageingandemployment-policies.htm> (accessed 21.10.2016).
15. *The Silver Economy as a Pathway for Growth. 2014*. 15 p. Available at: <http://www.oecd.org/sti/the-silver-economy-as-a-pathway-to-growth.pdf> (accessed 21.10.2016).
16. The 2012 Ageing Report: Economic and Budgetary Projections for the EU27 Member States (2010–2060). *The European Economy*, 2012, no. 2. 470 p.
17. Vlandas T. The Political Effects of Ageing on Inflation. *Intereconomics: Review of European Economic Policy*, 2016, no. 51 (5), pp. 266-271.
18. Göbel C., Zwick T. Are Personnel Measures Effective in Increasing Productivity of Old Workers? *Labour Economics*, June 2013, pp. 80-93.
19. Docquier F., Machado J., Sekkat K. Efficiency Gains from Liberalizing Labor Mobility. *Scandinavian Journal of Economics*, 2015, no. 2, pp. 303-346.
20. Herrmann M. The Economic Challenges of Population Aging in Emerging Markets. *Modern Economy*, 2014, no. 5, pp. 161-173.
21. *Matching Economic Migration with Labour Market Needs in Europe*. OECD Policy Brief, S.I., OECD–UE, September 2014. 23 p.
22. *Growing the European Silver Economy*. European Commission Background Paper. S.I., EC, 23 February 2015. 29 p.
23. *The Future of Japan: Reigniting Productivity and Growth*. McKinsey Global Institute, 2015. 128 p. Available at: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/how-a-private-sector-transformation-could-revive-japan> (accessed 16.10.2016).
24. *A Window of Opportunity for Europe*. McKinsey Global Institute, 2015. 54 p. Available at: <http://www.mckinsey.com/global-themes/europe/a-window-of-opportunity-for-europe> (accessed 21.10.2016).
25. Кувшинова О. Серебряная экономика. *Ведомости*, 15.02.2011. [Kuvshinova O. Serebryanaya ekonomika [Silver Economy]. *Vedomosti*, 15.02.2011.
26. *Human Development Report 2015*. New York, UNDP, 2015. 273 p.

SOCIO-ECONOMIC CONTOURS OF LONGEVITY SOCIETIES

(*World Economy and International Relations*, 2017, vol. 61, no. 5, pp. 34-44)

Received 14.01.2017.

Irina P. TSAPENKO (tsapenko@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The more developed regions of the world are expected to face dramatic demographic changes in the coming decades. A sharp fall in fertility and a steady rise in life expectancy will shift the age profile of societies in the 21st century altering radically their economic and social life. Ageing populations present serious challenges of labour scarcity, deceleration in long-term economic growth, equity markets volatility, unprecedented burden on pensions and medical care systems, increasing of poverty and social inequality, etc. At the same time, the increase in healthy life expectancy, the modification of elderly peoples' image and their role in a society bring (at least potentially) certain assets – the so-called longevity dividend. It contributes, on the one hand, to prolongation of working life and retaining of valuable productive staff in the work force, and, on the other hand, to creation of a solid and rapidly expanding demand for special goods and services designed for older people. Such changes in labour resources supply and in consumer models open a new chapter in the global North countries development, associated with formation of an emerging longevity society and promotion of a "silver economy". Given the bleak prospects of unhealthy and passive ageing and promising opportunities of healthy and active longevity, these societies are to develop an adequate and effective policy response to these changes. Such approach should include short-term preventive and damping measures, as well as long-term strategy of package creative and responsible actions which could prepare the society and its economy for future large-scale changes.

Keywords: population ageing, demographic challenges, labour resources, social welfare, healthy and active longevity, "longevity dividend", "silver economy".

About author:

Irina P. TSAPENKO, Doctor of Economics, Head of Section.

DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-5-34-44